

ЛЕВ
НИКУЛИН

ТАЙНА СЕЙФА

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Лев Вениаминович Никулин
Тайна сейфа
Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74322886

Тайна сейфа:

ISBN 978-5-00269-621-5

Аннотация

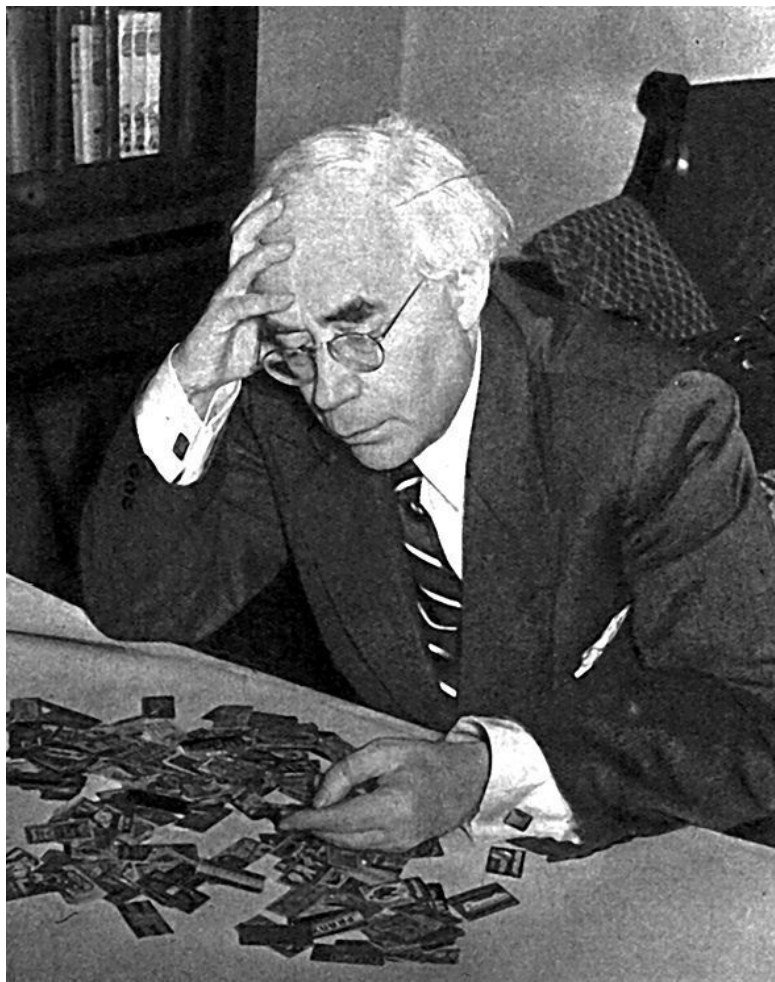
Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) – классик литературы XX века, автор нашедших книг «Мертвая зыбь» и «России верные сыны». А в молодые годы он прославился как автор талантливого и захватывающего шпионского романа, искристого, как шампанское. Вы держите в руках эту книгу. Перед вами – захватывающая литературная сенсация бурных двадцатых годов. Приключенческая сага в стиле Красного Пинкертона. История международного авантюриста и шпиона, который стал слугой многих господ, здесь переплетается с головокружительными поисками воскресшей древнеегипетской принцессы, а политический памфлет – с сатирическим изображением нравов московской богемы времён НЭПа, в котором легко узнать кафе имажинистов и кружки доморожденных мистиков. Никулин пишет об этом с азартом и юмором. Оторваться от этой книги невозможно. В своем жанре это такой же шедевр, как «12 стульев»! Читайте и перечитывайте!

Содержание

Часть первая	6
Сейф 24–14	6
Не восемь, а девять	13
Белый орел	18
Конспирация плюс романтика	23
Краткая родословная	28
Случай с коптской грамматикой	33
Вопросы доктора С	40
Продавец тайн и Зитта	43
Дело голубой республики	49
Разочарования	53
Страница не дописана. На обороте	57
Аминта	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Лев Вениаминович
Никулин
Тайна сейфа**

© ООО «Издательство Родина», 2026

Лев Никулин

Часть первая

Аминтайос

Сейф 24–14

А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... Ну, да и где ж не бывает несообразностей?
Н. В. Гоголь

Если глаза привыкли видеть завершенный круг горизонта, линию желтых песков, треугольные тени пирамид на песке пустыни, то первые две недели эти глаза с трудом привыкают к вычерченным по линейке улицам, к домам, облепленным вывесками контор и банков, к откровенно назойливым витринам мод.

Густав Корн, тридцатидвухлетний египтолог, автор труда «Барельефы с изображением богини Тауэрт» и «Сверхъестественные методы в египтологии», успокоился только тогда, когда вертящаяся дверь Коммерческого северозападного банка вытолкнула его к зеву большого лифта. Но даже и здесь, в кабине лифта, он не переставал судорожно прижимать к груди красный сафьяновый портфель, хотя, кроме дамы в трауре, никто не представлял опасности для сафья-

нового портфеля. Прищулив глаза, сторонясь человеческого потока, он прошел по галерее и, как в тихую пристань, свернул в дверь, над которой в мраморе стены гнездились золотые буквы:

Отделение сейфов.

Глухая, сдавленная тишина, как за непроницаемыми переборками броненосца. Матовые круглые шары и рядом газовые горелки (на случай, если перережут провод). Зелено-вато-желтый смешанный свет над бюро и желтой лысиной старика в скромной, но внушительной форме. Под ковром ноги ощущали стальные плитки пола. Глаза упирались в ровные, серые, полированные стены, и только в одном месте, позади старика с лысиной, серая отполированная стена обнаруживала чуть заметный продолговатый прямоугольник, который казался дверью. По обе стороны двери на высоких табуретах сидели двое хорошо сложенных пожилых людей в позе, почти не обнаруживающей признаков жизни. Желтая, отражающая газовый рожок лысина откинулась кверху и под рядом горизонтальных морщин лба в сторону Корна повернулись тусклые глазки.

– Густав Корн.

– Знаю. Номер 24–14. Только вчера освободился. Размер подходит. Предупреждаю относительно хранения взрывчатых веществ. Безусловно воспрещено.

Затем человек за бюро перевернулся вокруг оси на круглом табурете, прыгнул на пол и, звеня невидимыми ключа-

ми, присосался к двери. Дверь открывается с меланхолическим звоном, автоматически отскочив к стене. За ней решетка, которую отодвинули в сторону, и перед Густавом Корном открылись стальные катакомбы. То, что раньше показалось однообразным стенным узором из четырехугольников от пола до потолка, было стальными ящиками с почти незаметным отверстием замка и цифрой. Люди проходили узким коридором, отделенным от улицы стальными, залегающими над головой плитами, сдавленные спящими в стальных сотах сокровищами. Старик и сторож двигались неслышно в плоских резиновых туфлях, – сторож впереди, а старик позади Корна. Он медлил, перебирая ключи и, выбрав один с затейливой бородкой, постучал по ящику.

– Здесь вам будет удобно. Газовый рожок и лампа прямо над ящиком. Для непродолжительных занятий имеется особое помещение.

– Благодарю вас. Я бы не стал беспокоить, но необходимость... Чрезвычайно редкие экземпляры. Уникумы.

Замок щелкнул, и дверца открылась, обнаружив внутри ячейки стальной ящик. Старик отошел в сторону. Густав Корн осторожно открыл красный сафьяновый портфель.

Вокруг была тяжелая глухая тишина. От стальных стен пола и потолка шел холод.

Сначала Корн вынул одиннадцать разнообразных свертков в тонкой бумаге. Они падали один за другим в стальной ящик с металлическим звоном.

Он взглянул на список. Одиннадцать амулетов и бусин. Затем шестьдесят два черепка, подобранных в Абидосе. Затем восемь разнообразных по формату рукописей и пачка фотографий.

Все вместе было материалом к новому знаменитому труду Густава Корна «Предметы заупокойного культа архаического Египта».

Для этого Густав Корн пробыл два года и шесть месяцев в Египте и вывез, кроме перечисленных уников, перемежающуюся лихорадку и не поддающуюся лечению тропическую язву на левом локте.

Он закрыл внутренний ящик, затем захлопнул внешнюю дверцу и, уходя, с удовольствием взглянул на внушающую доверие гладкую стальную поверхность и выгравированный на металле номер: «24–14». Старик, увидев его, повернулся к бюро. В маленьком четырехугольном кожаном конверте он дал Корну бумаги, относящиеся к номеру 2414, и ключ.

– Я приду завтра.

Старик шумно захлопнул крышку бюро.

– Завтра и послезавтра – праздник. Рождество.

– Тогда, чтобы не терять времени, я возьму собой бумаги.

– Если профессору угодно...

Корн вернулся и, несколько торопясь, открыл ящик.

Рукописи из стального ящика вернулись в красный сафьяновый портфель.

Некоторые полагают, что романтическая натура находит-

ся в прямом несоответствии с карьерой археолога и соискателя ученой степени. Во всяком случае, это мнение большинства, а так как на принципе приоритета большинства построен ряд человеческих отношений, мы наблюдаем медленное продвижение Густава Корна по пути к признанию и славе. Ему тридцать два года. Он сын рижского лесопромышленника, который затеял весьма крупную коммерческую операцию в июле 1914 года. Как известно, 18 июля 1914 года произошло некоторое событие, сильно помешавшее вывозу леса из России в Германию и превратившее рижского лесопромышленника Карла Корна сначала в банкрота, а спустя месяц в ссыльного в Ташкенте. Густав Корн, как принято в хороших немецких семьях, получал образование в Германии и, против обычая, не в академии коммерческих наук. Археологические изыскания Густава Корна были самым уязвимым местом его весьма положительного папаши, но надо же кому-нибудь заниматься археологией и, в конце концов, в будущем карьера ученого, академика и тайного советника ничуть не хуже карьеры коммерции советника и лесопромышленника. К настоящему горю Карла Корна, сын его в двадцать лет, если и тяготел к подземельям, то, главным образом, к таким, которые превращались усилиями способных предпринимателей в сухие и уютные винные погреба. Несколько суховатым мумиям он предпочитал достаточно округлые формы девиц без определенных занятий, и единственная клинопись, которой он занимался,

были надписи, высекаемые им при помощи рапиры на лицах его коллег-корпорантов. Можно ли упрекнуть двадцатилетнего крепкого молодого человека, если он папирусам и манускриптам предпочитал занимательные тексты Гофмана, а трудам Всегерманского съезда египтологов предпочитал «Роман мумии» Теофиля Готье?

1914 год, принесший столько неприятностей, а впоследствии бывший причиной преждевременной кончины Карла Корна, осложнил до крайности жизнь его сына. Все последующие годы, вплоть до перемирия 1918 года, он употребил на различные способы уклонения от фронта, и это отнимало достаточное количество времени. Когда же Густав Корн был переведен на мирное положение, он с точностью установил отсутствие аккредитивов на его имя в Северо-экспортном коммерческом банке и присутствие весьма незначительных кредитов вообще. Имея некоторые сведения в египтологии и не имея никакой другой профессии, он с унаследованной от отца энергией, располагая самыми скромными суммами, оставленными ему родителями, вернулся к египтологии. Известное количество времени он провел в Египте, что дало ему возможность опубликовать первый труд «Барельефы с изображением богини Таэрт», не отмеченный его коллегами. Однако его второй труд «Сверхъестественные методы в египтологии» вызвал хотя краткий, но довольно знаменательный отзыв академика и его знаменитого современника Генриха Ренера:

«За сорок пять лет моей работы я в первый раз ветре-чаю подобное невежество и нелепое прожектерство у человека, посвятившего себя чистой науке».

Не восемь, а девять

Густав Корн жил в Берлине и жил плохо. Шведские коллеги присылали ему некоторую сумму, которая давала ему возможность есть мясо по воскресеньям, а остальные дни – овсяный кисель, маргарин, хлеб. Однако у Густава Корна был текущий счет в Коммерческом северозападном банке, который три года назад показывал пять тысяч долларов. В настоящее время он показывает сто семьдесят один доллар, но зато Густав Корн обладает униками и восемью рукописями, всего тысяча сто тридцать страниц, касающихся заупокойного культа египтян. Густав Корн ест два раза в день – в девять часов утра и в девять вечера. Сравнительно длинная прогулка слегка возбудила его аппетит, но так как сейчас пять часов, то сравнительно молодой ученый должен отвлечь свое внимание от желудка или, вернее, отвлечь внимание желудка от овсянки, которая должна быть съедена в девять часов и не ранее. Египтолог открывает сафьяновый портфель, вынимает пачку рукописей и, приученный к аккуратности, пересчитывает их. Очевидно, голод действует на трудоспособность египтолога. Рукописей оказывается не восемь, а девять. Он пересчитывает их дважды, зажигает свет и старается сосредоточиться. Затем снова считает. Их девять. Между тем, ему слишком хорошо известна каждая тетрадь и каждая из тысячи ста тридцати страниц, написанных его четким и острым почерком. Он перебирает рукопись за рукописью и обнаруживает листы синеватой тонкой бумаги, исписанной незнакомым почерком и незнакомыми чернилами,

какими никогда не писал Густав Корн. Это происшествие заставляет его оставить письменный стол и десять минут вспоминать единственное стихотворение, которому его научили в детстве. Когда мысль как будто отвлечена от странного обстоятельства и девятой незнакомой рукописи, он снова перебирает свои бумаги и опять видит те же листы просвечивающей бумаги, исписанной незнакомым почерком.

Это рукопись на французском языке. Как она попала в портфель египтолога? Как часовая стрелка, мысль переводится на час назад и восстанавливает все обстоятельства и события, случившиеся раньше. Густав Кори полагает, что рукопись забыта в сейфе его прежним владельцем и случайно оказалась между восемью рукописями ученого труда об Египте.

Доставить ее в банк поздно – пять часов, два дня рождества она останется у Густава Корна. Он обнаруживает некоторое любопытство и пробегает начальные строки. Первое впечатление – повесть или роман. Однако, в тексте он находит письмо, телеграмму и газетную вырезку. И все-таки он думает, что это роман и что прежний хозяин сейфа – писатель. Так как литературное произведение считается достоянием читателя и так как Корн слишком взволнован, чтобы заниматься заупокойным культом, он придвигает кресло к столу и довольно легко разбирает набрежный почерк рукописи.

Человек с девятью фамилиями.

1... Я в Варшаве. Отель «Бристоль», населенный иностранцами. Дюжина контрразведок различных посольств, не считая правительственной. Низкая валюта, но надежная полиция и тюремная стража. Европа третьего сорта. Я – швед Олаф Ганзен – финансовый инспектор султаната Сесам. Один уличный журналчик поместил мой портрет. Однако, за мной следят.

2... Грубая слежка, с которой не совладаешь. Наемный кретин шаг в шаг по следам. Тихими короткими свистками передают с квартала на квартал. И все же я не уеду. Дело в пятидесяти тысячах долларов.

3... Раздражающая толпа. Офицеры отдают честь, как манекены, и подражают французам, которые держат себя плантаторами в колонии. Вульгарный снобизм. Усы маршала, портреты президента. Через два дня моя игра.

Письмо, приколотое булавкой.

Олафу Ганзену. Отель «Бристоль».

Краковское предместье.

Я не хочу называть Вас так, как написано на конверте. Двадцать четыре года назад я называла вас Генрих. Что бы вы ни делали с собой, и что бы ни говорили о вас – вы Генрих фон Валь. Я увидела ваш портрет в бульварном журнале. Чужое, лживое имя, но это ваши глаза и губы, это вы, как бы вы ни старели.

Я напоминаю вам «Зеленый егерь» Штрауса. Я напоминаю вам Пратер, паноптикумы, кафе и наше инкогнито. Я на-

поминаю вам полковницу фрау Ретль и золотые, расплывающиеся облака над Дунаем на мосту Франц-Фердинанда. Это последняя встреча. Теперь вы помните? Мы связаны, Генрих, сколько бы лет ни прошло над вашим высоким лбом и удивительно лживыми глазами. Мы связаны смертью одного человека и жизнью другого, и если вы не боитесь прошлого, вы еще увидите меня.

Почерком автора записок:

Без подписи. Письмо запечатано гербом (княжеская корона). Но сам герб неразборчив – сургуч расплылся.

4... Человек, который мне нужен, придет в кафе.

Я имею основания ему доверять, и однако, перед тем, как увидеть его в назначенный час, я чувствую непривычное беспокойство. Между тем, он должен только передать мне сигару, в которой уместается копия дислокации пограничных корпусов на южной границе. Без пяти три. Пора.

5... Шесть часов утра. Все, что происходило далее, нужно изложить возможно подробнее, потому что это документ.

Белый орел

Я заказал себе кофе и ждал человека, который мне нужен. Мне показалось странным, что маленькое кафе в далеко не фешенебельной части города почти переполнено. Были свободны только два столика далеко от входа, в центре между другими столами. Еще меня поразило то обстоятельство, что мои обычные спутники не следовали за мной от дверей моего отеля до дверей кафе. Кроме того, я всегда заранее ощущаю опасность, потому что вижу сны. Обыкновенно я сплю без снов, как бы проваливаюсь в бездну без воспоминаний и мыслей. В эту ночь я видел неопределенно-неприятные сны. И странно, что когда я сел за свободный столик вблизи камина, человек в спортивном костюме и шляпе с пером, одетый так, как здесь одеваются провинциалы-помещики, переменил стол и оказался впереди меня, как бы отрезав мне путь к двери. Я развернул газету и читал ее так, чтобы видеть впереди себя, и читал ее до тех пор, пока человек, которого я ждал, не вошел и не остановился перед моим столиком. Мы беседовали ровно столько, сколько требуется для того, чтобы собеседник предложил мне сигару. Я взял сигару, аккуратно подрезал кончик, словом, сделал все то, что полагается, чтобы отвлечь внимание следящих от этого предмета. Затем тот, которого я ждал, отодвинул стакан кофе, взглянул на часы и простился. Я видел, как он направился к выходу и вышел из кафе, не встретив никаких препятствий. Между тем, я играю роль экономного и расчетливого шведа, не выпуская сигары,

лезу в карман за портсигаром, как бы отложив удовольствие. «Настоящий «Анри Клей», выкурим после обеда». Человек в спортивном костюме указывает мне взглядом на газету, которая осталась лежать на соседнем стуле (он просит разрешения ее взять), приподымается, наклоняясь в сторону моего стола, хочет ее взять, и внезапно мою кисть как клещами охватывают его большой и указательный пальцы. Однако, я успеваю выронить сигару и щелчком свободной руки отбрасываю ее в пылающий камин. Человек выпускает мою руку и делает движение к камину, но теперь я внезапным, как бы дружеским рукопожатием, напрягая все мои силы, удерживаю его. Все это происходит в несколько секунд и со стороны кажется, что двое знакомых, внезапно узнав друг друга, обмениваются коротким рукопожатием. Человек в спортивном костюме, тяжело дыша, садится против меня и происходит следующий диалог:

– Вы Олаф Ганзен?

Непродолжительное молчание. Мой собеседник меняется в лице. Внезапная ярость.

– Не знаю, что меня удерживает, чтобы разmozжить вам череп.

– То же, что меня удерживает от выстрела вам в живот.

Он ежится, опускает голову и бледнеет. Можно подумать, что сквозь мрамор стола ему видно мою руку с маленьким маузером. Наконец он овладевает собой и говорит спокойно и деловито:

– Во всяком случае, вам крышка. Вы вывернулись в деле с сигарой. Доказательств нет. Но этого не нужно. Если вы и выйдете отсюда, то с тем, чтобы больше никуда не входить.

– Очень возможно. Но что вы от этого выиграете? Как только вы позовете своих, вы перестанете существовать. У меня останется еще пара зарядов, чтобы оставить по себе память этим господам.

Мой собеседник сопит и смотрит на меня с некоторым любопытством.

– Однако, вы... Меня предупреждали, но я никак не ожидал. Даже жалко, что такой ловкий парень так плохо кончит.

– Представьте, то же я думаю о вас?..

Он молчит и меланхолически вздыхает.

– Однако, нам надо выйти из этого глупого положения.

Я не возражаю.

– Послушайте, можно ли вам верить...

– В некоторых случаях можно... – Я говорю это весьма убедительно.

– Что вам дает дело с дислокацией?

Я называю сумму.

– Мы вам дадим меньше, но вы останетесь в живых.

– Что за филантропия... Впрочем, – я повторяю его вопрос: – «можно ли вам верить?»

Он показывает мне кольцо, обращенное гербом внутрь.

– Клянусь...

Эмблема – на черной эмали одноглавый белый орел. Он

целует орла, при этом у него вид паломника, лобызаящего реликвию.

– Вы удовлетворены...

«Белый орел». Конспиративная лига. Террор и романтическая разведка.

Несколько тысяч тупых и убежденных убийц, рассеянных в пространстве. Что может быть хуже?

Однако я стараюсь сохранить спокойствие и слежу за его беспокойным, но ничего не выражающим лицом.

– Я брат второго круга. Мое слово обязывает.

– Зачем я вам нужен?

– Нам всегда нужны такие люди.

Несколько секунд я оттягиваю мой ответ, но трудно изобрести что-нибудь другое, кроме согласия.

– Хорошо. Идите впереди меня.

Он встает; я иду на два шага позади, стараясь спрятать в рукаве пальто дуло. Мы выходим из кафе. Никто не обращает на нас внимания. В десяти шагах за углом закрытый автомобиль. Шофер открывает дверцу. Мой спутник садится, я сажусь рядом и мы едем с быстротой, несколько превосходящей дозволенную правилами езды по городу.

Конспирация плюс романтика

Если бы я был юношей, я бы представил себя героем рома-

на Дюма. Вся полагающаяся в романах таинственность, весь сложный романтический ритуал выполнен в точности, с соблюдением подробностей. Поездка с завязанными глазами. Ночь, даже дождливая ночь с порывами ветра. Шум листьев в темноте. Молчание, мрак и двухчасовой автомобильный пробег. Надо сказать, что устарелую карету романов Дюма с успехом заменил крытый «Делоне Бельвиль». Однако по шороху шин я чувствовал, как мы меняли асфальт улиц на мелкие булыжники шоссе и, наконец, на гравий аллеи. Стоило мне пошевелиться, и я ясно чувствовал у правого виска неприятный холод стального дула. Надо сказать, что я давно уже утратил относительно выгодную позицию, которую я завоевал в кафе. Мои руки были туго спутаны проволокой и каждое движение сопровождалось весьма ощутительной болью. Описав дюжину петель и спиралей, автомобиль стал. Меня провели, поддерживая под руки, не менее ста шагов, затем я услышал голос: «Лестница». Тридцать одна ступенька, неприятная сырость и запах цветов Как в оранжерее. Затем повязку сняли.

По-видимому, я находился в склепе. Над серым гранитом саркофага спускалось знамя – белый орел на черном поле. Гигантские лилии и хризантемы образовывали два цветочных холма по обе стороны могильной плиты. По ту сторону камня как бы занавес – черный бархат, серебряные орлы. Легкое колебание драпировок. По-видимому, там люди. Сухой, резкий голос:

– Сударь. Два месяца вы находитесь под ударом. Мы знаем и видим вас каждую секунду.

Молчание...

Человек, которому нечего терять, ответил:

– Сударь. Пользуюсь старым афоризмом: «Что делаешь – делай скорее».

– Мы позвали вас не для того, чтобы слушать богохульные шутки. Мы держим в руках вашу жизнь.

– По-видимому, она вам зачем-нибудь нужна, если вы утруждаете себя разговором со мной. Я знаю, с кем говорю, и вы знаете, с кем говорите. К делу.

За бархатной драпировкой молчали. Наконец, я услышал другой, низкий и более тихий голос.

– Слушайте. У нас есть сотни и тысячи людей, которые отдали нам свою жизнь и оружие. Однако, мы покупаем вас. Если вы выполните свой долг, мы примем меры к тому, чтобы вы остались безнаказанны. Вы трижды шпион и изменник. Это ваша профессия. Но если вы измените нам – вы погибли. Убийство такого человека – благое дело. Каждый из четырех тысяч братьев третьего круга сочтет за счастье покончить с вами. Вы будете повиноваться?

– Я думаю... Мне ничего не остается делать.

– Вы обладаете всеми данными для того, чтобы выполнить поручение. Вы смелы, наглы и находчивы – вам нечего терять. Если вам нужны деньги, вы их получите. Дальше. Когда вы уйдете отсюда, вы можете располагать собой, как вам

удовно. Вы даже можете покинуть нашу страну и жить где вам угодно до той минуты, когда получите приказ. Мы найдем вас.

Пока он говорил, я привык к полумраку и еще раз внимательно осмотрел склеп. На саркофаге под серебряным распятием я прочитал имя человека, который убил президента – лидера либеральной партии, – До той минуты, когда вы получите приказ... Приказ будет заключаться в следующем:..

То, что я услышал, я запишу только тогда, когда буду считать себя в безопасности, и в том случае, если останусь в живых.

У «белого орла», как полагается, крепкие когти и клюв.

Отель «Бристоль». Олафу Ганзену.

Мой Генрих! Разве вы не устали?.. Вам больше сорока лет, я видела вас вчера в опере. Через месяц, Генрих, я буду свободна. Я сумею вам дать все, о чем вы мечтали в жизни, и то, о чем вы не мечтали. Я дам вам самое большое человеческое счастье. Вы должны ждать меня в Швейцарии в Монтре, в отеле «Шильон».

Письмо без подписи. Я разобрал герб. Княжеская корона. Герб князей Радомирских. Это не шутка. Я еду в Монтре. Там меня найдут. Эта и те.

Казимир Стржигоцкий.

Теперь это мое имя. На доске, где отмечают гостей отеля «Шильон», оно написано на моей визитной карточке. Я не знаю, что мне делать вне сезона в этом пустынном курорте у

голубого озера. Запах огромных пространств пресной воды льется в мое окно. От вынужденного безделья мной овладела мечтательность, склонность к воспоминаниям. Я буду писать мемуары.

Краткая родословная

Мне сорок шесть лет. Пятнадцать минут ежедневной работы для здоровья сохранили мне гибкость, физическую силу, зоркий глаз и превосходный слух. Если меня спросить о моем настоящем имени и месте рождения, я с некоторым трудом могу припомнить свою мать – румынку из Бухареста, казненную в 1878 году за мужеубийство. Разумеется, жертва моей матери не была моим отцом хотя бы потому, что он женился на моей матери семидесяти шести лет от роду. Этот богатый бразилец плохо соображал, насколько в Бухаресте певица из варьете приспособлена к семейной жизни, и бедняга-бразилец платил звонкой монетой. Монета попала в руки моей мамы, а бразилец, спустя три недели после несколько скоропостижной смерти, был извлечен из склепа ради праздного любопытства судебных властей Бухареста.

Вслед за тем моя мама и некий молодой врач (фамилия его отмечена уголовной хроникой того времени), после шестимесячного заключения, окончили жизнь насильственным образом, согласно законам конституционного королевства, в шесть часов утра во дворе тюрьмы, в присутствии иностранных корреспондентов и особо почетных гостей. Разумеется, и врач не был моим отцом. Разбираясь в моей родословной, я склоняюсь к тому мнению, что моим отцом, руководствуясь сопоставлением сроков и местопребыванием моей матери, мог быть:

Христофор Двали – грек, владелец кафе «Олимп» в Салониках.

Константин Мухин – штаб-ротмистр пограничной охраны на русско-румынской границе, или Гвидо-Гаэтано-Фацио Каландра – клерк итальянской экспортной конторы в Галаце. Из перечисленных трех особ я лично склоняюсь к признанию моим отцом более родовитого (насколько мне известно, дворянина) Константина Мухина – русского штаб-ротмистра.

Впрочем, особого значения это не имеет, так как ни одного из кандидатов в мои отцы я не видел. Что же касается матери, то ее эксцентрическая кончина произошла через год и три месяца после моего рождения.

Таким образом, покончив с моей подлинной генеалогией, я перехожу к моему менее скромному послужному списку и мифической галерее предков, которым я сделал честь своими разнообразными титулами и именами.

Правительство моего отечества не было склонно выпускать из своих рук хотя бы наследственные пошлыны, относившиеся к капиталу бразильского гражданина Пабло да Коста, неудачно сочетавшегося браком с подданной румынского королевства. Поэтому в год и три месяца от роду я сделался наследником значительного состояния. Насколько мне известно, правительство Бразилии тоже не совсем равнодушно отнеслось к наследству Пабло да Коста и, легко обнаружив не вполне лояльное отношение покойного к мероприятиям в области правового порядка и собственности, конфисковало в пользу казны все, что Пабло да Коста имел неосторожность

оставить в Бразилии. Мои же опекуны – родственники мамы – к моему совершеннолетию оставили мне сумму, которая хватила с излишком на оплату билета от Бухареста до Парижа, но с минимальными удобствами в пути. Буду краток. Великолепные чемоданы и фамилия да Коста дали мне возможность три недели прожить в хорошем отеле. Ко времени расплаты по счетам я переселился на другой берег Сены, где в одном небольшом кафе, благодаря своей заметной наружности, получил место в румынском оркестре. Хотя я не играл ни на одном инструменте, но занимал довольно выигрышное место на эстраде. Красный фрак музыканта подчеркивал мою счастливую наружность и превосходно развитую мускулатуру. Мне помогли женщины. В первые пять лет моей несложной деятельности я изучил четыре языка и растратил до полумиллиона франков, которые принадлежали преимущественно женщинам. Особенно благотворное влияние на меня оказала жена русского фабриканта Наяда Сучкова. Ей было немного больше тридцати восьми лет, она получила хорошее воспитание и образование и даже издавала в России декадентский журнал. По ее просьбе я тщательно проштудировал «Портрет Дориана Грея», и это дало мне возможность приобрести репутацию светского эстета, великолепно владеющего диалогом. Дважды я приезжал в Россию, где, к сожалению, недостаточно глубоко использовал представившиеся возможности. В те времена я не обращал должного внимания на мистицизм, спиритизм и науки четвертого из-

мерения. Такая эрудиция при моей счастливой внешности дала бы мне возможность приблизиться к придворным сферам. Пока же мне пришлось довольствоваться успехом в литературно-купеческих салонах и жить в пределах тех тридцати тысяч рублей в год, которыми меня субсидировала мадам Сучкова. Однако, я имел будущее. Муж мадам Сучковой неуклонно шел к белой горячке и, действительно, к концу второго года эпопеи с Наядой Сучковой умер, проглотив на пари золотую спичечницу. К сожалению, я был молод и был жестоко введен в заблуждение. Мадам Наяда Сучкова, как оказывается, не вполне урегулировала вопросы, касающиеся завещания, и была ограничена суммой в шестнадцать тысяч в год. Мы расстались с некоторыми неприятными реалистическими подробностями, о которых не стоит вспоминать. В то время я носил скромный титул графа Пьетро да Коста.

Случай с коптской грамматикой

Русские – занимательный народ. У меня до сих пор в памяти некоторые своеобразные чудачки, которых я встречал по четвергам в особняке мадам Сучковой на Новинском бульваре. Это был очень приятный дом – поместь английского коттеджа и русского купеческого особняка с концертным залом и экзотическими гостиницами, которые могли вместить больше двухсот человек. Впрочем, на четвергах у моей покровительницы бывало не более двух-трех десятков людей, из которых каждый представлял собой интересный объект, по крайней мере, для наблюдений психиатра. Один декадент, все занятие которого заключалось в составлении эротических стихов, употреблял в пищу преимущественно певчих птиц. Другой был мистик и отделал свой дом наподобие средневековой монастырской капеллы, причем его любовницы с большой точностью копировали костюмы персонажей Гольбейна. Третий культивировал кактусы. Все они предпочитали искусственный красный электрический свет солнечному освещению, употребляли косметические средства и пропагандировали противоестественную любовь. В этом приюте чудачков и психопатов я однажды встретил человека, который, не обменявшись со мной приветствиями, спросил меня:

– Знаете ли вы язык коптов?

Так как в этом доме не удивлялись, то, оставив свой бокал, я сказал:

– Я знаю не менее двадцати четырех европейских и азиатских наречий... Некоторые из них не связаны с какой-ли-

бо национальностью, а с промыслом, и имеют различные названия... Возможно, мой неизвестный друг, что я знаю язык коптов.

Мой собеседник был человек средних лет. Он был лыс, и голова его напоминала мягкий восковой шар, которым долго играли дети. Нос, губы и уши были капризом природы.

Он был одет в смокинг, жилет с золотыми лилиями по шелку цвета слоновой кости. Он слегка волочил ноги, и – клянусь невинностью – я видел его некогда на Больших буль-
варах в сером цилиндре и сером сюртуке, под руки с двумя заметными натурщицами.

– Зачем вам нужен язык коптов?

– Чтобы объясниться с одной дамой...

Я припомнил все, что знал из области истории и археологии.

С полной уверенностью я мог бы сказать, что на языке коптов уже не говорят на земле не менее трех тысяч лет.

Впрочем, интересно взглянуть на даму, которая объясняется на языке коптов.

– Моя фамилия С. Я врач по профессии, но вместе с тем и физик. Разумеется, я мало занимаюсь практикой. Значит, вы говорите по-коптски?

В салоне Няяды Сучковой бывали или знаменитости, или миллионеры. Так как С. не был знаменитостью, – он был миллионером... Я привык быть вежливым с миллионерами и скромно сказал:

– Полагаю, что сумею объясниться... Но, по всей вероятности, я несколько слаб в грамматике...

(А любопытно знать, существовала ли коптская грамматика?).

– Я счастлив... – Он встал, приглашая меня следовать за собой.

Я угадал. Это был миллионер. На бульваре его ожидала превосходная карета с весьма благообразным кучером. Я не совсем правильно разбирался в московских улицах, но, насколько мне известно, мы миновали бульвар и площадь и поехали по глухому, как бы загородному переулку. Мой собеседник только однажды прервал молчание меланхолическим вздохом.

– Вы испытываете неудовольствие?

– Да. Я весьма сожалею, что не одарен лингвистическими способностями...

– Между тем, у вас две внушительные специальности.

– Да, в этом я достиг многого.

Далее мы молчали. Затем карета остановилась у довольно высокого дома в загородном переулке этого почти средневекового городка.

– Сергей, поблагодарите барина.

Он сунул кредитный билет в руку кучера и повернулся к многоэтажному дому.

Это был не миллионер. Значит, он гений.

Мы поднялись по узкой лестнице во второй этаж. Была

ночь. Лифт не действовал. Пока он зажигал электричество, я успел дважды больно удариться о нечто напоминающее мебель в комнате, куда мы вошли. Когда зажгли свет, я обнаружил нагроможденные до потолка ящики с надписями на английском и французском языке. В такой упаковке обычно пересылают части небольших машин и аппаратов. Я начинал сожалеть о том, что покинул приятное общество и хорошее вино для этой малокомфортабельной обстановки.

Мы вошли в другую комнату. Она была обставлена сравнительно лучше. Приятная старая мебель красного дерева, недурные гравюры на стенах и, как это ни странно, толстый канат проводов, толщиной с руку, проходивший вдоль стены и уходивший за драпировку и, по-видимому, дальше. Я забыл сказать о толстых голубых драпировках в старинном вкусе, разделявших комнату на две половины. Хозяин снял пальто в этой комнате и предложил сделать мне то же. Затем он указал мне кресло и сказал, обнаруживая некоторое волнение:

– Граф Пьетро да Коста... Я могу верить вашему джентльменскому слову?

Я ответил поклоном.

– Дайте мне слово, что вы не будете проникать далее той черты, какая будет мною указана.

При таком многообещающем начале, разумеется, не было остановки за честным словом графа Пьетро да Коста.

– Это касается коптского языка?..

– Вы правы... Должен вас предупредить, что я не знаю ни одного языка, кроме русского и плохого французского, на котором имею честь объясняться с вами...

– Вы слишком строги к себе...

– Повторяю вам, я абсолютный профан в истории, и судьба так хотела, чтобы все способности, которыми она одарила меня, были направлены в сторону изощрения в моем прямом призвании... Дело касается одного крупного научного открытия, которое я имел счастье сделать...

Я не мог не перебить его...

– Значит, особа, говорящая на коптском языке, – предлог

...

По-видимому, он легко раздражался, потому что мясистый шар, заменяющий ему голову, побагровел.

– И то, и другое имеет огромное значение... Это не предлог.

По-видимому, придется состязаться в коптском наречии с неким синим чулком-археологом в юбке. Думаю, что я как-нибудь выпутаюсь из неловкого положения. Но при чем тут научное открытие?.. Положение осложнялось и заинтересовывало.

С... вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Я обратился к вам потому, что в салоне мадам Сучковой вас называют полиглотом. Кроме того, мне известно, что Академия наук Португалии командировала вас, как ученого-археолога и члена-корреспондента Академии, из Лисса-

бона в Москву для установления ученых связей с нашими археологами, поэтому...

Мне это не было известно. По-видимому, эту оригинальную миссию специально придумала для меня Наяда Сучкова. Положение обыкновенного любовника, не имеющего звания, было бы неубедительно для ее салона. Но не предупредить меня о моей миссии и звании!.. Это непростительно. Впрочем, возможно, что дама доктора С... объясняется по-коптски не лучше меня.

С... продолжал:

– Вот список вопросов, какие вы должны предложить даме, которая будет находиться по ту сторону драпировки. Вместе с тем, вы должны мне дать слово, что вы не сделаете никаких попыток ее увидеть.

Я не привык отказывать в честном слове, тем более в таких явно занимательных положениях.

– Вот список вопросов, которые вы должны перевести на коптский язык и в порядке последовательности задавать этой даме.

Затем он ушел за драпировку. Я услышал, как стукнула за драпировкой дверь. Я был один в комнате.

Вопросы доктора С

1. Как ваше имя?
2. Кто ваш отец?
3. Кто вы?
4. Где вы родились?
5. Где вы находились прежде, чем я вас позвал?
6. Умеете ли вы писать?

Всего шесть вопросов. Недурная тема для разговора с дамой, в особенности в том случае, если это молодая дама.

Во всяком случае, я попытаюсь объясниться с ней без глупых вопросов старого чудака.

Я обратил внимание на одно странное обстоятельство. Пол комнаты, в которой я находился, был покрыт не ковром и, по-видимому, не линолеумом, а заглушающей шаги эластичной резиной. Вместе с тем, обои на стенах отливали не совсем обыкновенным медным металлическим отблеском, и когда я прикоснулся к стене, то понял, что стены вместо обоев покрыты тонкими листами металла. То же, по-видимому, сделано с дверьми и с довольно высоким потолком. Если бы не то обстоятельство, что металл напоминал по отблеску медь и что металлическая обивка была очень тонка, я чувствовал бы себя в каюте броненосца. У меня не хватило времени на дальнейшие соображения, потому что внезапно погас свет и одновременно глухо загудела машина, по-види-

мому, мотор. Сбоку от меня из маленького рупора, который я еще раньше обнаружил на столе и считал рупором фонографа, зашипел заглушенный голос С...

– Сохраняйте спокойствие и не трогайтесь с места.

Как от сквозняка, хлопнули за драпировкой две половинки дверей. Комната осветилась фиолетовым перемежающимся светом из-за драпировки. Сквозь щель на пол, покрытый резиной, упал лиловый дрожащий луч. Затем перемежающийся гул мотора сменился более ровным, свет перестал мигать, и снова я услышал голос С... из рупора:

– Задавайте вопросы.

Разумеется, я был в самом глупом положении. Скорее я мог задавать вопросы на канакском языке или на наречии полинезийцев. Но так как я уже в те годы чрезвычайно редко смущался, то я рассудил, что английский язык не менее, чем язык коптов, чужд моему дорогому хозяину. Поэтому я сказал невидимой даме на хорошем английском языке:

– Но № are you, mistress?

Несколько секунд молчания. Раздражающе гудел мотор. Я думал: зачем понадобился переводчик с коптского языка пациентке, которую в лучшем случае подвергает электризации выживший из ума врач?

И вдруг я услышал низкий, мелодический женский голос. Я слишком хорошо знаю женщин. Это великолепный голос пленительной и повелевающей женщины.

Я не понял ни одного слова. Она говорила на языке, не

похожем ни на европейские, ни на персидский, ни на турецкий. Но сквозь гул мотора я уловил тембр и мягкость мелодического женского голоса. Я отбросил драпировку. Только на одну секунду в слегка вздрагивающем фиолетовом отблеске мелькнуло лицо женщины. Но в эту секунду я успел разглядеть изогнутую, как лук, линию губ, дугу соединенных бровей, чуть смуглую кожу, черты, сохранившие последний расцвет невероятной, победоносной, зрелой красоты.

Еще шаг вперед, вернее полушаг, я ощущаю колющий, пронизывающий и опрокидывающий меня навзничь толчок и, падая, ударяюсь затылком о металлический пол, на который я ступил.

Затем все стерто.

Я обнаружил себя на рассвете на скамье бульвара, под влажным покровом тающего предутреннего снега. Если бы не весьма ощутительная шишка на затылке, я считал бы все случившееся ночью легким бредом, который дает умеренное количество опиума, смешанное с вином. Я навел справки о С... Он существует. Это домашний врач миллионера Корзинкина, по-видимому, весьма почтенная личность.

Моим дальнейшим исследованиям помешала московская полиция, которая почему то в португальском графе Пабло да Коста усмотрела минского еврея Пинкуса Космана.

Через две недели меня освободили с некоторыми извинениями и, однако, выслали за пределы России. Это было в 1901 году.

Продавец тайн и Зитта

История с мадам Сучковой и неприятности, связанные с необходимостью посвящать в свои материальные дела дам, заставили меня обратить внимание на более достойные методы добывания средств. Еще в библиотеке мадам Сучковой я ознакомился с мемуарами Казановы, кавалера де Сенгаль, этого академика политического авантюризма. Политический авантюризм в его классических методах не накладывает ни малейшей тени на человека, делающего его своей профессией, и в то же время открывает неизмеримые возможности. Убийство, кража, подлог – любое уголовное преступление перестает быть им и не укладывается в статьи уголовного кодекса, если имеет пометку секретного архива министерства иностранных дел.

Все эти соображения я имел возможность трезво обдумать в течение двух лет пребывания в лондонской тюрьме. Обстоятельства, приведшие меня туда, еще более укрепили меня в перемене карьеры. Дело касалось одной выжившей из ума старухи, которая обрела во мне близкого родственника и по всем данным должна была сделать меня своим наследником. Тогда мое имя было Джером Джеймс Брайс. Но родственники старухи, по-видимому, не отказавшись от мысли сохранить их семье состояние моей названной бабушки, сумели установить сомнительность моих документов, и за-

ключение в тюрьме, по их соображениям, должно было восстановить справедливость. Я вышел из тюрьмы двадцати пяти лет, без денег, но с хорошим опытом. В игорном доме мне удалось слегка восстановить положение благодаря моим твердым принципам, касающимся карточной игры. Вслед за тем, опять обладая хорошим гардеробом и багажом, я занялся дипломатической карьерой. С тех пор, как моя наружность и темперамент перестали быть для меня источником существования, я имел несомненный успех у женщин самых разнообразных кругов общества. И, несмотря на самое искреннее желание быть бескорыстным, моим первым успехом в Вене я обязан успеху у дамы. Это была, несомненно, очаровательная венгерка, жена полковника генерального штаба. Редкое сочетание черных глаз, золотых волос и кожи слегка опалового тона навсегда сохранилось в моей памяти. Для конспирации мы встречались в летнем открытом театрикe, где будущие звезды великолепно разыгрывали оперетты. Здесь же рядом помещался сомнительный отель, и я на всякий случай еще утром оставлял здесь комнату, пользуясь одним из моих параллельных имен, которых к тому времени было три или четыре. Очаровательны весенние вечера, когда полковник находился на маневрах в Тироле, а мы в маленькой комнате на подоконнике, томно прижавшись друг к другу, слушали дуэты и вальсы. Внизу за столиками приказчики и их любовницы пили пиво и подпевали актерам. Мы были одни над ними и городом по ту сторону Дуная, вдали

от официальной, титулованной Вены...

О, наша последняя встреча в маленьком ресторанчике на Пратере!

Я говорил с Зиттой так, как будто бы мы расстаемся на неделю.

— Милая, разве не все решено заранее? Я еду к моему дяде, баварскому послу при святейшем престоле. Я вымолю у него разрешение жениться на Зитте. Пусть развод, пусть нас не будут принимать в обществе, в свете. Мог же эрцгерцог жениться на разведенной жене офицера, хотя для этого ему пришлось принять имя простого смертного и уехать в южную Америку... Неужели на земле нет угла, где могли бы найти любовь и приют двое влюбленных?..

Тогда я был еще молод и сентиментален... Честное слово, я произносил эти монологи со слезами на глазах...

— Значит, моя любимая даст мне ключ от ее дома... Я проникну к ней через сад. Я хочу видеть ее комнатку, ее сокровенную комнатку, хочу видеть, как любовник... Дважды я был в доме полковника Ретля, как гость, как светский знакомый, а сегодня ночью я хочу проникнуть в его дом и в комнату его жены, как любовник... Пусть это романтический каприз... Но разве можно отказать в этом любимому?

Она покорно и слабо улыбалась, и я знал, что дело сделано, что все подготовлено, что полковник Ретль окончил срочную и тайную работу, над которой он провел четыре ночи, и вместо того, чтобы сдать ее немедленно в генеральный

штаб, поедет с молодой женой в оперу... Я знал план их дома, я знал, где тайный ящик, куда он прячет секретные документы штаба, и все-таки я говорил с настоящей искренностью...

— Зитта... ты увезешь его в театр, а я неслышно, незаметно пройду мимо его комнат и спрячусь у тебя... Я буду ждать тебя тихо, как мышь... И потом, после театра, когда ты придешь, ты будешь со мной в первый раз в твоей комнате... А на рассвете я уеду и вернусь через неделю за моей женой Зиттой...

В то время я был занят важной академической работой по раскрытию новой системы шифров, которую должен был ввести генеральный штаб. Над этой системой шифров работал полковник Ретль, и военный атташе посольства одной дружественной державы был весьма заинтересован работой полковника Ретля. Мой высокий друг, военный атташе, не напрасно терял терпение в течение двух месяцев. Сегодня ночью я буду в доме полковника Ретля, я скопирую знаменитый новый шифр «Император Карл», на который точат зубы шпионы всех посольств Вены.

Бедная Зитта!.. Бедный полковник Ретль! Все было задумано слишком ловко, и серия отмычек, и точный план дома, и помощь очаровательной полковницы Зитты.

В десять часов вечера копия «Императора Карла» была у меня в руках. Мне грустно думать о том, что милая Зитта не нашла меня в своей милой комнатке.

Что делать?... Такова жизнь...

Тогда я назывался Генрих фон Валь.

Дождь... Утро. Стеклопанные своды вокзала в Вене. Поезда на путях. Летающие фалды фраков кельнеров. Высокие кепи кондукторов, трубки и традиционные баки Франца-Иосифа...

Прощайте!..

В путь!

Я не стану перечислять первых успехов и неудач. Уже тогда я понял разницу между ординарным шпионством и тайными политическими заданиями, которыми удостаивают избранных. Я не связывал себя с одной определенной державой, хотя бы потому, что самый добросовестный хозяин, используя вас, постарается избавиться от неудобного свидетеля. Кто не помнит бедного барона фон Столя, которого царское посольство послало в ловушку после того, как он был выжат, точно лимон над пуншевой чашей? Бедный старик умер в цитадели при обстоятельствах, смутно заставляющих предполагать самоубийство. Я же всегда старался приносить одинаковую пользу двум или несколькими взаимно заинтересованным друг другом державам таким образом, чтобы каждая из держав считала меня менее опасным для себя, чем для соперницы. Все это, разумеется, возможно в молодые годы, пока нервы и ум напрягаются без особого труда, пока мускулы и глазомер оберегают вас от применения не вполне дипломатических приемов, иногда допускаемых в

политике держав. Апогеем моей карьеры я считаю дело Голубой республики. О нем стоит рассказать.

Это началось весной, у черного материка, на яхте «Элиза», которая принадлежала герцогу Нэри, моему коллеге по клубу «диких».

Дело голубой республики

Государство подобно человеческому телу. Не все его функции благородны. Некоторые из них приходится скрывать.

Анатоль Франс

Герцог Нэри был помешан на лорде Байроне. Кроме того, он не платил долгов и был нетерпим в своем отечестве. В течение шести месяцев мы шатались по океану, пока циклон нас не загнал в бухту, которая оказалась портом Эль-Азрак Голубой республики. Я превосходно помню утро после циклона. От каменной полосы мола, полузакрывающей рейд, идут на берег четыре зеленых вала с желто-пенными гривами. Узкая лента набережной с низкими белыми зданиями и пальмовыми стволами, между которыми взлетают тяжелые фонтаны воли, захлестывающих парাপет. Тропическое солнце жжет белые мокрые плиты, и над городом, насчитывающим две тысячи черных, как уголь, жителей, соленая теплая влажность. Мимо прижавшихся к молу лодок яхта «Элиза» идет, поднимаясь и падая в волны. Сильная зыбь высоко приподнимает сначала корму, затем нос и убегает к берегу, чтобы взорваться о набережную рядом пенных фонтанов.

Помню, я стоял на рубке и думал о том, что шестимесячная прогулка заставила многих высоких покровителей за-

быть обо мне, и что есть необходимость в остроумном и легком подвиге, о котором будут писать в течение двух недель на первых страницах официальных газет.

Порт Эль-Азрак оказался главным городом республики, поставляющей каучук одному государству на континенте. Республика управлялась шестью туземцами, в отличие от прочих имеющими белые штаны с голубыми лампасами. Впрочем, министр иностранных дел, пришедший нас приветствовать, не имел этой части туалета и был одет в полосатую сорочку и цилиндр. Надо сказать, что приблизительно так же одевался местный дипломатический корпус – два консула и резидент континентальной державы. Климат диктовал присущие этой стране особенности дипломатического этикета. На аудиенции у председателя совета министров нам предложили своеобразную мебель, представлявшую собой стул, в сидении которого был вделан жестяной таз с холодной водой. Продолжительная беседа в здешнем климате сопряжена с сидением по пояс в воде.

Если вы считаете приводимый мной факт гиперболой, я отсылаю вас к книге г. Пероти, который был восемнадцать лет генеральным консулом в Басре на более северном арабийском побережье.

Даже в положении знатного туриста я не забывал своей основной профессии политического деятеля. Мне удалось установить факт, что министры Голубой республики находятся на жаловании у президента континентальной державы

и что они не особенно довольны им, словом, что в Голубой республике имеются все предпосылки для государственного переворота. После одного веселого ужина на борту «Элизы» я послал шифрованное радио моему другу, шефу секретного департаменте министерства, с которым я был в то время связан. Голубая республика получила заем, который я немедленно реализовал тут же на борту «Элизы». И утром резидент континентальной державы узнал, что кабинет пал, что парламент Голубой республики (сорок туземцев, вообще не имеющих штанов и находящихся в родственных отношениях с министром) расторгает договор с континентальной державой. События развивались с кинематографической внезапностью. На пятый день утром на рейде Эль-Азрака бросил якорь контрминоносец «Гриф» континентальной державы. Но к вечеру мы уже имели здесь же трехтрубный крейсер «Пантера» другой державы, о которой я упоминал выше. Радио, прямые проводы, телефоны, биржа бились в припадке жесточайшей малярии. Две эскадры спешили к берегам Голубой республики. И в тот момент, когда победа в борьбе за влияние почти определялась калибром дальнобойных пушек, державы-соперницы с несомненностью установили факт полного обезлюдения побережья. Министры, парламент, две тысячи туземцев, не оценив исторического значения момента, ушли, по крайней мере, на шестьдесят километров вглубь страны. Выборы в парламент, на которые усиленно рассчитывала континентальная держава, не состо-

ялись. Однако, дипломаты держав-соперниц блестяще вышли из положения. Во время исхода населения Эль-Азрака у двух генеральных консулов была похищена мелкая утварь и ушиблена камнем ангорская кошка резидента. Военные суда эвакуировали дипломатический корпус и иностранную колонию и обстреляли берег (в качестве экзекуционной меры). На этом кончилось дело Голубой республики. И хотя мои портреты не украшали первых страниц иллюстрированных журналов, но мои коллеги и тайные департаменты многих министерств иностранных дел с большим уважением отнеслись к моим способностям. Самое замечательное заключалось в том, что в этом деле я действовал от имени двух держав сразу. По директивам океанской державы я попытался подчинить ее влиянию Голубую республику и одновременно, по директивам державы континента, я спровоцировал инцидент, чтобы дать возможность этой державе дешево приобрести ценности во время биржевой паники.

Разочарования

Надо сказать, что деятельность, которая меня занимала, нормально развивается в мирные эпохи истории. По существу, это чисто пацифистская деятельность, в известной степени ослабляющая милитаризм великих держав. В мирные эпохи я и мои коллеги имели возможность правильного и сравнительно безопасного использования политических и военных секретов различных правительств. Элемент риска выражался главным образом в опасности быть дешифрованным, как агент данной державы, и возможности быть задержанным на более или менее продолжительный срок в военной крепости. В редких случаях дело могло осложниться таинственным исчезновением, заставляющим предполагать самый печальный конец. Поэтому я с тяжелым сердцем встретил войну и вовремя перенес свою деятельность в столицу одной из нейтральных держав. Мои менее благоразумные друзья, несмотря на свои таланты и всемирную известность, окончили почти трагически. Так, знаменитый Фитцджеральд, в свое время прославившийся выемкой годичного доклада военного атташе, кончил свои дни на артиллерийском полигоне близ Берлина. Не менее печально кончил свои дни в Париже мой очаровательный коллега – испанская танцовщица, обладавшая превосходным умом и телом.

В нейтральной столице к этому времени образовался ры-

нок разнообразнейших военных сведений. Военная агентура, которая в мирные эпохи была отраслью дипломатии, оказалась на первом плане. В тридцать восемь лет я, пацифист по убеждению, должен сесть за учебники тактики и стратегии, сопоставлять сводки телеграфных агентств и суметь уловить истину в двух самых противоположных военных сообщениях. Самый сомнительный документ, вроде копии послужного списка русского генерала или генеалогического древа германского принца, командующего корпусом, находил сбыт. Полноценное золото брызжет животворящим потоком, и все-таки жизнь не имеет прежней безоблачной приятности. Даже любовь не развлекает в этой неестественной жизни, за зыбким молотом, по ту сторону которого – циклон. Меланхолические женщины этой страны приучены законами и бытом к самому ординарному образу жизни. Импортный элемент состоял из кокоток и женщин, так или иначе соприкасающихся с моей профессией. Те и другие не представляли особого интереса для меня. Светские дамы, выйдя из атмосферы войны, впадали в неприятную истеричность и излишний трагический оргазм. Жизнь и любовь приобретали ненужную сложность, слишком действовали на нервы, и в эти четыре года человек старел утроенным темпом. К концу войны я все еще представлял человека с великолепной фигурой, с располагающими к доверию седыми висками и превосходным энергичным профилем. Мой обычный образ жизни не придал моей наружности типических черт сильно

пожившего сноба, а отложился на ней несколькими характерными тенями байронического стиля. Я был похож на человека, перенесшего большое горе и продолжающего жить из любопытства к тем испытаниям, которые мне еще принесет судьба. Поэтому я часто пользовался траурной повязкой на рукаве. Это необыкновенно сильно действовало на молодых девушек и вызывало некоторое доверие со стороны моих клиентов. Официально я назывался полковником армии Соединенных штатов Робертом Айртоном. После вступления Америки в войну мне пришлось переменить резиденцию и имя.

Но самое жестокое разочарование принес мне мир. В то время, как вздорные ножницы выкраивали из старой карты Европы небольшие и доходные для правительства государства, я встретил в Сан-Себастьяно женщину, которая помещала мне стать министром. Пусть я слегка преувеличиваю, но разве с моим опытом я не мог занять пост генерал-инспектора в любом новорожденном государстве? И разве в расцвете дней незаметный переворот не мог принести диктатуры, президентства, славы и портретов в витринах между альбомами открытых писем и резиновыми принадлежностями?

Всего этого я лишился из-за женщины, национальность и прошлое которой не мог бы установить самый опытный детектив. Я вспоминаю ее каждый раз, когда вижу в зеркало шрам над правой бровью, след моего монокля, который она разбила ударом смуглого и крепкого кулака.

Она была из Сан-Себастьяно...

Страница не дописана. На обороте

Я начинаю полнеть. Это бессмысленное существование в тихом отеле в Швейцарии довело меня до мемуаров, которые я пишу по утрам, как отставной сановник, обиженный дворяном, но с сегодняшнего дня конец меланхолическому прозябанию в ожидании развязки двух интриг – любовной и политической. Было бы возмутительной небрежностью судьбы, если бы я остался без этих приключений, самых замечательных и таинственных событий моей жизни.

Вчера за табльдотом появилась странная пара: меланхолический дегенеративный юноша и женщина.

Два дня назад, мысленно пробегая мою жизнь, которая уместилась на первых двадцати шести страницах, исписанных довольно мелким почерком, я вспомнил и записал скорее занимательный, чем таинственный случай с коптской грамматикой и пациенткой русского врача С... Мне стоило труда вспомнить московский переулок, металлическую комнату, ковер-изолятор, колеблющийся свет и лицо женщины – изогнутую, как лук, линию губ, дугу бровей и замечательную, неестественную красоту... Мог ли я подумать, что через двадцать три года в отеле «Шильон», в Швейцарии, за прозаическим табльдотом, рядом с бродячими спортсменами, автомобилистами и русской эмигрантской семьей, в самом современном костюме я увижу...

У меня крепкий, спокойный рассудок. Случай в Москве – единственный, внушающий мне подозрение, единственный, может быть, не существовавший в действительности. Но теперь я верю. Это было. Прямо против меня сидит женщина. И когда я смотрю в ее глаза, я вижу колеблющийся свет, и в фиолетовом отблеске я опять вижу ту, которую видел у С...

Я не могу найти нужные слова. Мне сорок шесть лет. С четырнадцати лет я знал не менее тысячи трех женщин (рекорд, установленный дон Жуаном де Маранья). Но все, что я видел, – ничто рядом с этим чистым профилем, с этими глубокими продолговатыми глазами и темными дугами ресниц. Пропорциональность форм, эти руки и ноги – безукоризнейшая фантазия гениального мастера, который нашел идеальный женский портрет. Я утверждаю, что появление этой женщины производило одинаковое впечатление на всех людей, которые имели счастье ее видеть. И это то же чувство, которое я испытал у С..., когда, теряя сознание, видел другую. Теперь, когда миновало первое сводящее с ума волнение, я вижу, что двадцать лет разделяют эти два лица. Я бы сказал, что это мать и дочь, если бы не невероятное сходство, невозможное даже для матери и дочери.

Одна – последний расцвет, зрелая, сопротивляющаяся времени красота.

Другая – непобедимая юность, непостижимая, насмехающаяся над временем молодость.

И видеть ее в костюме от Пуаре, видеть эту голову под

парчовой золотой шапочкой – значит разбудить в себе нечеловеческую и последнюю страсть.

Самсон, Антоний, лорд Нельсон, вы, легендарные и исторические любовники, заплатившие жизнью и славой за любовь, – это она... Это – женщина, которая приходит раз в век, однажды в тысячу лет. И если я должен отдать остаток моих дней, я отдам его, не медля ни секунды, но эта женщина будет...

Аминта

«Аминта». Это ее имя. Уходя из салона нашего отеля, она остановилась у окна и смотрела сквозь сетку дождя на мокрые зеленые магнолии, на озеро и горные цепи в облаках. Юноша (его зовут Стибор Бони) дотронулся до ее руки и позвал ее: «Аминта». И когда она поднималась по лестнице, я укусил себе руку, чтобы подавить желание отшвырнуть его от нее и покончить с ним тут же. Ах, дорогая моя... Как опасно вызывать такие желания в людях, которым нечего терять.

Я получил еще письмо с гербом Радомирских. Таинственная корреспондентка обещает приехать через две недели. Я бросил письмо в камин. Воскресшие из мертвых имеют весьма непрезентабельный вид. И княжеский герб на саркофаге не прибавит им красоты. Но я благодарю вас за Монтре и Аминту.

Странно, что я еще не слышал ее голоса.

1... Я переменял комнаты в отеле. Теперь я живу над их балконом. Если наклониться и свеситься через барьер, я увижу две трети их балкона. Я услышу голоса, но не услышу слов, которые они произносят.

Вечером она долго сидит в кресле, причем ее лицо обращено к северу, вернее, к горному хребту на севере. Я превращаюсь в юношу из колледжа, перелезаю через барьер и, держась за карниз, наклоняюсь так, что вижу их обоих: ее в

меланхолической, очарованной неподвижности и его... Пижамы, сигарета в зубах. Я не расслышал его слов.

Он говорил очень тихо, раздраженным, слегка жалобным голосом. И потом я услышал другой, мелодический, насмешливый голос и ясный акцент. Осторожно произносимые слова... так говорят иностранки на малознакомом языке.

— Я не понимаю... — Ужасающе знакомый голос женщины. Я скорее угадал, чем услышал эти слова. Не знаю, сумею ли еще медлить. Каждая моя мысль о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.